

Секция «Юриспруденция»

Суд Европейского Союза и международный правопорядок

Комарова Татьяна Вячеславовна

Кандидат наук

Национальный университет "Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого Факультет подготовки специалистов для МИД Украины, Харьков, Украина

E-mail: t_komarova@list.ru

В правовой системе Европейского Союза основополагающая роль в применении и толковании наднационального права принадлежит Суду ЕС, на который возложена задача единообразного толкования этого права в целях европейской интеграции. Именно Суд ЕС определил положение правопорядка Союза и его соотношение с национальными, а также международным правопорядками.

Суд ЕС своей практикой развивал концепцию все большей автономии правопорядка ЕС от международного, так сказать, природы *suì generis*, а недавняя практика Суда ЕС идет еще дальше и показывает желание укрепить автономию права ЕС от международного права, т.к. Суд считает, что наднациональный правопорядок достиг комплексности и самостоятельности.

Примером этого может служить решение Суда ЕС по делу Kadi, в котором истец оспаривал легитимность Регламента Совета ЕС 2580/2001, в соответствии с которым финансовые средства истца были заморожены в связи с подозрением в поддержке террористической деятельности. Регламент был принят Советом ЕС для имплементации Резолюции Совета Безопасности ООН, касающейся борьбы с терроризмом в соответствии с Частью VII Устава ООН. Истец настаивал на том, что он стал жертвой серьезного нарушения правосудия, т.к. никогда не был связан с террористической деятельностью. Он ссылался на то, что Регламент Совета ЕС нарушил такие его фундаментальные права как право собственности по ст. 1 Протокола № 1 к Европейской конвенции об основных правах и практике Суда ЕС, право на справедливое судебное разбирательство по ст. 6 Конвенции и практике Суда ЕС.

Изначально дело было инициировано в Суде первой инстанции (СПИ), который отказал истцу в аннулировании Регламента на том основании, что его права не были нарушены. СПИ в своем решении обозначил, что в соответствии с обычным международным правом и ст. 103 Устава ООН обязательства государств-членов по Уставу ООН должны превалировать над всеми другими обязательствами то ли по международному праву, то ли по национальному праву, то ли по праву ЕС. СПИ отверг тезис истца о том, что правопорядок ЕС – это независимый от ООН правопорядок, который руководствуется своими собственными правовыми нормами и подчеркнул обязанность ЕС подчиняться нормам Устава ООН.

Казалось бы, решение СПИ полностью отвечает концепции унитарного международного правопорядка, однако СПИ добавил, что не смотря на все вышеперечисленное он имеет компетенцию проверять Резолюции Совета Безопасности ООН на их соответствие нормам *jus cogens*. Такой поворот аргументации СПИ был по меньшей мере неожиданным. Действительно нормы *jus cogens* являются обязательными для всех субъектов международного права и в том числе для Совета Безопасности ООН, но вопрос

того может ли судебный орган другой международной организации проверять легитимность его решений является крайне дискуссионным. СПИ сделал вывод, что он наделен такой компетенцией.

Таким образом, решение СПИ хотя и подчеркнуло подчиненность ЕС международному правопорядку, однако признало за судебными органами ЕС возможность опосредованного пересмотра Резолюций Совета Безопасности ООН. Это означает, что СПИ признал субординацию права ЕС универсальному международному правопорядку, однако с собственными контрольными механизмами, которые будут действовать от имени международного сообщества.

Истец оспорил решение в Суде ЕС, который отменил Регламент на основании того, что он ограничивал фундаментальные права истца. Вначале Суд ЕС сказал, что он не может отменять нормы Резолюции Совета Безопасности ООН или Устава ООН, а отменяет нормы внутреннего нормативного акта ЕС, который имплементирует Резолюцию в правопорядок Союза. Но далее Суд отметил, что, беря во внимание уникальность ЕС, его нормы имеют примат над нормами международного права. Суд ЕС подчеркнул, что международные соглашения не могут влиять на перераспределение полномочий ЕС или на автономию правового порядка ЕС, а значит обязательства, возложенные международными соглашениями, не могут быть важнее, чем конституционные принципы учредительных договоров. В то же время Суд признал, что право ЕС должно уважать международное право, однако это никоим образом не влияет на то, что международное право – это параллельная система, которая не может влиять на юридическую силу и примат фундаментальных принципов права ЕС. Также Суд предположил, что если бы Резолюции Совета Безопасности ООН были бы частью норм права ЕС, то они бы находились на ступени высшей, чем вторичное право ЕС, но ниже, чем учредительные договоры ЕС и, которые включают в себя и фундаментальные права. Эта позиция Суду полностью подтверждает его стремление к автономизации правопорядка ЕС, но выглядит оно поистине революционно, т.к. Суд ЕС подчеркнул, что нормы права ЕС, которые касаются фундаментальных прав, имеют примат над нормами международного права.

Своим решением Суд ЕС поддержал плюралистическую концепцию международного правопорядка, отдельно отличая европейское право и отдельно международное право, выделяя в каждой системе собственную иерархию норм права. Суд нарисовал такую картину современного мира, где существуют горизонтальные, неиерархические, отделенные правопорядки. Хотя компетенция ЕС и не может распространяться на пересмотр норм параллельного правопорядка, но Суд ЕС может делать это опосредовано – путем пересмотра актов ЕС, которые имплементируют эти нормы. Используя систематический та телеологический методы толкования, Суд ЕС принимает подчас революционные решения, которые иногда критикуются, но практика показывает, что в дальнейшем они служат развитию общих целей государств-членов и укреплению высших ценностей Европы.